

АРТЕФАКТ

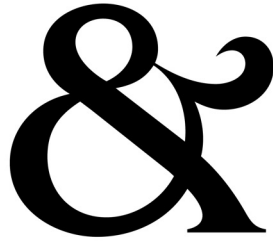
ДЕТЕКТИВ

**Читайте повести
Виктории ЛИСОВСКОЙ
в серии «Артефакт&Детектив»:**

Клад Василия Блаженного
Путь к золоту Рюрика
Сокровища Петра Первого

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Виктория ЛИСОВСКАЯ

Сокровища
Петра Первого

МОСКВА
2022

Книга основана ТОЛЬКО на фантазиях автора и другом альтернативном взгляде на знакомую каждому историю города на Неве...

Все рассказанное ниже — плод фантазии автора, не претендует ни на какую историческую и документальную достоверность...

Все совпадения случайны...

От автора

...нет ничего тайного, что не сделалось бы явным,

ни сокровенного, что не сделалось бы известным

и не обнаружилось бы...

Евангелие от Луки

8:17 — Лк 8:17.

Страницы старой книги...

13 октября 1307 года.

Пятница

*Н*ет, Жан, я так и не понимаю, на кой ляд нам мерзнуть на крепостной стене, когда все старшие рыцари спокойно пируют в замке! — зябко поеживаясь на холодном ветру, заявил худенький прыщавый Этьен.

Должность младшего оруженосца еще пару месяцев назад представлялась для парня самой заветной мечтой, а уж войти в самый богатейший и влиятельный орден Франции, да что там Франции, всего мира — орден тамплиеров, об этом он и помыслить не мог. Но реальность оказалась намного прозаичнее, кроме романтических поездок рядом с рыцарями в сверкающих доспехах на боевых конях, также заключенных в броню, ему пришлось заниматься всей грязной работой за рыцарем Леоном. Грязной в прямом и переносном смысле, — чистить доспехи, выгребать нечистоты из лат, ухаживать за своим нравными жеребцами мессира. Но сегодня вообще день не заладился.

Погода начала портиться ближе к вечеру. Нудный тусклый дождь опустился на улицы Парижа, и внезапно начавшийся ледяной ветер принялся терзать башни замка Тампль, резиденции Храмовников, и рыцарей, дежуривших на крепостных стенах.

Обычно мессир Леон сам профессионально выполнял боевую службу на крепостной стене, но сегодня, отдав приказ Этьену и Жулю, второму оруженосцу, Леон вместе с девятью рыцарями Храма, по личному приглашению Великого Магистра Жака де Моле, отправился на военный совет.

Зря оруженосцы думали, что тамплиеры пируют в теплом зале. Нет, девять избранных храмовников решали важные вопросы своего ордена, вопросы, от которых зависело будущее не только ордена, но и всей Франции, Италии, Испании и окрестных земель.

— Великий Магистр, мессир, ситуация действительно критичная. Мои люди сообщают, что король Филипп не сегодня, так завтра примет решительные меры. В Париже неспокойно, а в королевском дворце давно хотят усмирить наш орден! — обеспокоенно докладывал Гуго де Пайро, правая рука Великого магистра Жака де Моле, один из самых влиятельных людей в ордене. Гуго нервно вытер выступившие на пухлом

лице капли пота, и с волнением взглянул на ма-
гистра.

Но де Моле, казалось бы, не слышал Гуго, он смотрел как бы сквозь толпу рыцарей, через окно на ночной Париж. О тревожности мессира свидетельствовали только скрюченные пальцы, лихорадочно сцепившиеся в эфес меча, лежащего в дорогих самоцветных ножнах.

Слова Гуго де Пайро повисли в воздухе.

По толпе рыцарей пронесся обеспокоенный гул.

Наконец громко заявил на весь зал рыцарь Готфрид Анжуйский:

— Филипп трусоват, он не посмеет... — твердо произнес он. — Он слишком многому обязан перед орденом.

— Да, обязан, еще как обязан. Более четырехсот тысяч флоринов, — подал голос молчащий до этого казначей ордена Жан дю Тура.

По рядам рыцарей пронесся еще один изумленный вздох.

Созданные, как защита пилигримов по дороге к Гробу Господнему, всего за пару веков рыцари Храма превратились в реальную военную, политическую и экономическую силу, могущество и власть которых только росли с каждым днем. О нищете рыцарей напоминала только символическая печать: два рыцаря на одном коне, но эти бедные годы остались далеко позади.

Теперь это был самый могущественный и богатый орден, полностью преобразовавший всю финансовую систему Средневековья, богатейшие феодалы, занимавшиеся ростовщичеством. В числе их должников были влиятельные люди королевства, и даже сам король Филипп Красивый, которому вечно не хватало денег.

— Более четырехсот тысяч флоринов? Да, за такие деньги вполне можно и убить, — с горькой усмешкой объявил Жак де Моле и обреченно покачал головой.

— Мессир, еще не все потеряно, — обратился к магистру рыцарь Леон. — Мы вполне можем драться, мы будем сражаться...

Слова Леона были поддержаны дружным хором остальных храмовников.

— Драться? Сражаться? — сердито блеснул глазами магистр. — Со всем Парижем? Сколько у нас здесь войск? — обратился он к Гуго.

— Двести рыцарей плюс два десятка оруженосцев и мелких прислужников, — бодро ответил Гуго. — Мы можем отправить гонцов к членам братства в Авеньоне, Месигоре... Подмога придет через пару дней, и тогда...

— Через пару дней будет поздно, — покачал головой Жак де Моле.

— Но мы... — снова встрял в разговор Леон.

— Так, тихо! О сговоре Папы Климента и Филиппа я уже давно знаю, их лживые сладкие речи не могли обмануть Великого Магистра, — гордо блеснули глаза де Моле. — Но это не главное... Филипп жаждет наших денег, сокровищ ордена. Но он ничего не получит. Прямо сейчас, не мешкая, вы, девять наших братьев, перевезете вот эти сундуки и свитки, — Моле кивнул в сторону собранных сундуков и тюков. — Перевезете через Ла-Манш. На том берегу вас встретят наши преданные братья и скажут, что нужно делать, куда отправиться...

— Как символично — история нашего ордена началась с девяти рыцарей, и именно девятью рыцарями она и закончится, — грустно улыбнулся Гуго де Пайро.

Он прекрасно знал о планах Магистра, они вдвоем подробно разработали маршруты, чтобы скрыть сокровища ордена от жадного короля.

— А как же?... — хотел задать вопрос Леон, но, встретив суровый взгляд магистра, промолчал и твердо кивнул, так же как и остальные избранные.

Под покровом ночи девять рыцарей Храма вместе со своими оруженосцами на телегах, груженных сеном, вывезли все сокровища ордена тамплиеров за пределы Франции.

Через пару часов ровно в полночь замок Тампль окружили воины короля, всех оставшихся хамовников арестовали, в том числе Великого Магистра Жака де Моле.

Но Филипп Красивый просчитался — в замке не было найдено ни одного экю. Все сокровища и священные реликвии ордена бесследно исчезли...

*Санкт-Петербург.
Наши дни*

— Это просто нереально, это невозможно, это просто нонсенс какой-то, — с завываниями на одной ноте подбирала эпитеты полная дама со старомодной прической. Она рыдала на руках у молодого взъерошенного оперативника Владимира Шестакова, который смущенно пожимал плечами и робко поглядывал на следователя Дарью Безбрежную, которая остановилась в дверях и с сочувствием смотрела на потерпевшую.

Хотя потерпевшей ее назвать можно было только условно, пострадавшим в данном деле выступало само государство, в лице известного Эрмитажа и музея Михайловского замка, в котором произошла кража века.

Сейчас в зале Михайловского, где и проходила выставка картин из Эрмитажа, рыдала ку-

ратор выставки Олимпиада Смирнова. Именно она отвечала за семь бесценных полотен творчества российских художников XIX века. Отвечала головой, и вот не ответила — все картины испарились в неизвестном направлении.

Следователь Дарья Безбрежная еще не успела полностью ознакомиться с материалами дела, но, судя по всему, дело будет шумное, громкое, а главное — муторное, именно на такие расследования Дарью Николаевну чаще всего и направляли.

— Олимпиада Андреевна, — сухонько кашлянула в кулак Дарья. — Вы можете со мной поговорить? — Она продемонстрировала служебное удостоверение.

Смирнова подняла мутный взгляд на следователя и неопределенно качнула головой.

— Володя, принеси, пожалуйста, водички, а лучше валерьянки, — шепнула пробегающему мимо оперативнику Безбрежная.

Тот безропотно кивнул.

— Итак, Олимпиада Андреевна, вы можете рассказать, что тут у вас произошло? — с заботой в голосе спросила Дарья, обводя взглядом пустые рамы, где еще вчера красовались полотна русских художников XIX века.

Смирнова в ответ часто затрясла головой, как разукрашенный китайский болванчик.

— Я могу, я расскажу... Только это... Это невозможно... Это нереально... Этого не может быть... — снова завывала она.

— Чего не может быть? — удивилась следователь.

— Кражи не может быть! Отсюда выкрасть нереально! — немного взяв себя в руки, ответила Олимпиада Андреевна и выразительно натянула на распухший и красный от слез нос очки с толстыми диоптриями.

«Ага, она еще и близорука», — сделала вывод Безбрежная.

— Если кражи не может быть, то как вы можете объяснить вот это? — Она красноречиво показала рукой на пустые стены. — Сколько здесь было картин?

— Семь полотен, — принялась кусать губы Смирнова.

— Ценные? Какова примерная стоимость?

— У нас все картины в музее бесценны, искусство не продается, — обиженным тоном ответила Олимпиада Андреевна.

— Я понимаю, что искусство не продается, но все-таки, какие картины пропали и сколько они примерно могут стоить? — попыталась замаскировать свое недовольство следователь.

— Здесь на нашей выставке у нас ни Врубель, ни Пикассо не висел, если вы об этом.

Выставка была посвящена русским художникам девятнадцатого века, здесь были полотна, посвященные Санкт-Петербургу, которые так или иначе показывают строительство нашего родного города. «Петербургская биржа» Александра Карловича, Максим Воробьев «Исаакиевский собор и памятник Петру Первому», «Триумфальные ворота» акварель Беггрова, «Александрийская колонна в лесах» Гагарина, «Петр Великий. Основание Санкт-Петербурга» Венецианова Алексея Гавриловича, Сильвестр Щедрин «Вид с Петровского острова на Тучков мост и на Васильевский остров в Петербурге» и Федор Алексеев «Вид на Михайловский замок в Петербурге со стороны Фонтанки». Всего семь полотен, повторюсь, бесценных полотен. Это же оригиналы, девятнадцатый век, там один Гагарин стоит как двести моих зарплат. — Смирнова утерлась платком, а потом снова заплакала, лишь махнув следователю.

Дарья задумалась, от свидетельницы сейчас действительно было мало толку, к ней с расспросами она вернется позже, пока предстояло поговорить с охранниками Михайловского замка.

— Олимпиада Андреевна, я вас попрошу — подготовьте мне список всех украденных картин с полным описанием и примерной стоимо-